

**РОССИЯ 1812 ГОДА В ВОСПРИЯТИИ РУССКОГО
И АНГЛИЙСКОГО ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА**

**(«Вывеска» О. М. Сомова
и «Как бригадир побывал в Минске» А. Конан Дойла)**

В статье идет речь о России в восприятии русского и английского писателей XIX века (О. Сомов и А. Конан Дойл). Оба автора возвеличивают героев-авантюристов. Отношения Ахилла (героя О. Сомова) с русскими строятся сначала как с «чужими», а потом — как со «своими». У бригадира Жерара — как с «чужими» от начала и до конца.

Ключевые слова: герой-авантюрист, «свое» – «чужое», мифологизация, композиция.

У статті йдеться про Росію 1812 року, якою її побачили російський та англійський письменники XIX сторіччя (О. Сомов і А. Конан Дойл). Обидва автори звеличують героїв-авантюристів. Стосунки Ахілла (героя О. Сомова) з росіянами будуються з початку як із «чужими», а потім — як зі «своїми». У бригадира Жерара — як із «чужими» з початку і до кінця.

Ключові слова: герой-авантюрист, «свое» — «чуже», міфологізація, композиція.

The article deals with Russia in 1812 and the impression it made upon O. Somov and A. Conan Doyle, a Russian and an English writer of the 19th century. Both authors aggrandize their protagonists-adventurers. Achilles, a character of O. Somov, develops his relations with the Russians at first like with «foes» and afterwards like with «friends». In the brigadier Gerard's perception, the Russians remain «foes» from the very beginning till the end.

Key words: protagonist-adventurer, «friend» — «foe», mythologization, composition.

Конан Дойл известен, в первую очередь, как создатель Шерлока Холмса. Однако его авторский талант проявился и в других, не только детективном, жанрах. Среди тех его произведений, которые мало известны широкому читателю, — и цикл о бригадире Жераре.

Сам А. Конан Дойл считал себя прежде всего историческим писателем, а уже после — автором детективов и фантастических произведений. Его особенно интересовали три эпохи из прошлого Англии и Европы. Это, во-первых, времена Столетней войны XIV—XV веков. Затем XVII столетие, пора Английской буржуазной революции. Наконец, наполеоновские войны, от Трафальгара до Ватерлоо. Именно им писатель посвятил несколько произведений, в том числе и цикл о бригадире Жераре. В последние десятилетия XIX века «наполеоновская» тема довольно широко распространилась в европейской литературе. Война, сотрясавшая Европу в начале столетия, Бонапарт, его приспешники и противники, перемещение армий, битвы и жертвы — все отодвинулось по времени на расстояние, позволяя рассмотреть себя в панораме и перспективе [6, с. 22—23].

В 1892 г. вышел английский перевод «Мемуаров» барона де Марбо — капитана, а потом и майора наполеоновской армии. Книга Марбо настолько увлекла Конан Дойла, что он нашел и прочитал французский оригинал, а затем и все историко-документальные и мемуарные книги о наполеоновских войнах, какие только сумел достать. Самоуверенность Марбо, бравада, высокое мнение о своих достоинствах и вместе с тем неподдельная искренность — все

это Конан Дойл придал и своему Жерару. Он тонко уловил интонацию, ставшую сквозной для всего повествования.

А. Конан Дойл создал два сборника: «Подвиги бригадира Жерара» и «Приключения бригадира Жерара». Однако рассказы печатались в хаотичном порядке и в разных сборниках, иногда только в одном из них. «Подвиги...» были напечатаны в 1884—1886 годах, а «Приключения...» в 1902—1903 годах. Сборники повествуют о событиях периода наполеоновских войн, повествование стилизовано под мемуары и ведётся от имени вымышленного кавалерийского офицера Жерара.

Кроме «Мемуаров» Марбо, влияние которого ощутимо в рассказах о взятии Сарагосы и о маршале Одеколоне, Конан Дойл обратился и к другим историческим очеркам. В рассказах можно заметить эпизоды, напоминающие «Воспоминания о походе французов в Испанию» де Рокка, «Воспоминания о войне в Испании» де Найли и «Военные воспоминания полковника де Гонневилья». Именно из-за этих произведений автор сделал своего героя кавалеристом.

Как уже было нами отмечено, этот цикл не так популярен в читательской аудитории, как детективные рассказы и повести А. Конан Дойла. Нам не встречалось и литературоведческих работ, непосредственно посвященных ему. Однако для уяснения своеобразия авторского мира А. Конан Дойла анализ цикла о бригадире Жераре представляется не менее важным, чем изучение рассказов и повестей о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне или «Затерянного мира».

Мы ограничимся одним из рассказов, входящих в цикл, наиболее интересном для нас, поскольку в нем идет речь о рецепции инационального. Действие происходит в России в 1812 году. А увидены русские «глазами» француза Жерара.

Герой рассказа О. Сомова «Вывеска» (1829) из цикла «рассказов путешественников» принимает участие в походе французской армии на Московию. И здесь также русские увидены и описаны французом Ахиллом.

Обоим авторам нужно было возвеличить героев-авантюристов. Безусловно, это легче сделать, включив их в события войны, которая сама по себе предполагает ситуации авантюрного характера. Но цирюльник Ахилл отправился на войну, чтобы разбогатеть, а бригадир Жерар на войне принял участие в тайной попытке захватить провиант у русских.

Повествование о пребывании в России от лица героя дает возможность наиболее полно раскрыть его чувства и мысли. Ахилл — владелец цирюльни в Вердене, надпись на вывеске которой («Солнце светит для каждого»), привлекает внимание повествователя, путешествующего по Франции. Предположив, что цирюльник — «человек необыкновенный», путешественник с интересом выслушивает рассказ молодого человека.

Ахилл повествует о своей влюбленности в Селину и о том, почему отец девушки отказался выдать ее за него. Главный эпизод в истории попыток молодого человека разбогатеть, чтобы жениться, — это его участие в походе французской армии на Московию. Встретив своего бывшего школьного товарища Жоржа и хорошо попирав в веселой компании, Ахилл решил присоединиться к солдатам, отправляющимся в поход: «Короче сударь: хмель, золотые надежды, пробужденное честолюбие, желание теснее сблизиться с такими славными молодцами... Короче сударь: на другой день я проснулся с тяжелою головою, но в легком солдатском мундире» [5, с. 285].

Ахилл принял такое решение потому, что его товарищ рассказывал о богатстве страны, которую они идут завоевывать: «...ты помнишь, еще в школе учитель географии сказывал нам, что там-то золотые горы, особливо в Сибири, немного в сторону от Москвы. В этом городе есть даже огромные колокола из чистого серебра, а куполы церквей покрыты кованым золотом... в Москве мы столько накуем наполеондоров, что каждый из нас, верно, возвратится в карете, которая доверху будет набита золотом...» [5, с. 285]. Таким образом, «волшебная» Россия возникла в воображении героев под влиянием рассказов учителя географии, в которых все перепутано: и покрытые золотом купола церквей и колокола из серебра, и золотые горы Сибири, находящиеся «немного в сторону от Москвы» [6, с. 22—23].

Этьен Жерар — герой цикла А. Конан Дойла — профессиональный военный. Глядя на войска, отправляющиеся в поход на Крымскую войну, он вспоминает молодость и свое участие в войне 1812 года.

Повествование о пребывании в России ведется от лица героя, что дает возможность наиболее полно раскрыть его чувства и мысли (к примеру, он вспоминает, каких сил ему стоило побороть в себе «искушение» напасть на казаков врасплох), логике его поступков («мне было ясно, что для успешного исполнения

дела нужно взять небольшой отряд и рассчитывать более на внезапность, чем на численность...», «ясно было, что мы миновали казачьи посты...», «и я понял, что это русский офицер»), его понимание дел («я понял, что он (Наполеон) уже не тот, что прежде»).

Таким образом, и Ахилл, и Этьен Жерар оказываются в России в 1812 году, оба принимают участие в войне, находясь в армии Наполеона. Оба героя вспоминают события, когда главным было попытаться прорваться через посты русских и не погибнуть от голода. Ахилл так описывает свое пребывание в захваченной Москве: «Мы доедали последние крохи, покинутые ушедшими жителями, и от скуки, для препровождения времени, распивали вина, оставшиеся в погребах богачей, растаскивали дорогие вещи из их домов, ломали и портили то, чего не могли унести, и, роясь в земле, и в подвалах, искали запрятанных сокровищ» [5, с. 287]. «...Носились слухи, что Москва отовсюду окружена была русскими войсками, которые ждали нас, как обреченную свою добычу, и уже заранее пировали нашу гибель» [5, с. 287].

Бригадир Жерар вспоминает историю, когда ему необходимо было попытаться через посты русских добраться в Минск, захватить зерно и не погибнуть от голода: «Мне было ясно, что для успешного исполнения дела нужно взять небольшой отряд и рассчитывать более на внезапность, чем на численность. Большому отряду не пройти незамеченным, ему трудно добыть пропитание, и русские приложат все силы, чтобы его истребить. А небольшой кавалерийский отряд, если только ему удастся незаметно проскользнуть мимо казаков, вполне возможно, не встретит больше войск на своем пути, так как мы знали, что главные силы русских находятся в нескольких переходах от нас. Зерно в Минске наверняка предназначалось для них. Эскадрон гусар да тридцать польских улан — вот все, кого я выбрал для этого рискованного дела. В ту же ночь мы выступили и двинулись на юг, к Минску» [2, с. 260].

Интерес вызывает рассуждение героя о России: «Сейчас это кажется мне страшным сном! Кровь и лед. Лед и кровь. Озверелые лица и заледеневшие бакенбарды. Посиневшие руки, протянутые в мольбе о помощи. И через всю бесконечную равнину протянулась непрерывная вереница людей; они брели, брели — одну сотню миль за другой, а впереди была все та же белая равнина. Иногда ее однообразие нарушали еловые леса, иногда она расстилалась

до самого голубого холодного горизонта, а черная вереница тянулась вперед» [2, с. 261].

Герой повести О. Сомова вспоминает, что после шести недель «страданий и мучительных тревог» французское войско покинуло Москву: «Это еще не все: нас встретила преждевременная русская зима, по пятам за нами гналась сильная армия, которая каждый день истребляла у нас части войска, отбивала обозы и пушки... я хотел только хлеба, требовал только хлеба и готов был купить его ценою собственной жизни или жизни лучшего моего друга» [5, с. 288—289].

Ахилл вместе с небольшой группой товарищей решает покинуть свой полк и попытаться пробиться через посты русских в поисках съестных припасов.

Интересным является тот факт, что оба героя проявляют сентиментальность по отношению к животным, сопровождающим их в походе. У Ахилла — это собака Сантинель, которая спасает его дважды, а у бригадира Жерара — лошадь Фиалка.

Практически погибая от голода, Ахилл делится с собакой последней коркой, последним черствым сухарем, «...зато и она была... крайне привязана и почти... не отходила» [5, с. 289].

Когда герой О. Сомова после набега на русскую деревню в поисках съестного, потеряв в бою почти всех товарищей, тяжело раненный, впадает в беспамятство, то именно Сантинель спасает его от верной гибели: «Пробуждаюсь — и вижу Сантинель, которая растянувшись по всему моему телу, грела меня косматою своею шерстью и зализывал у меня рану на голове. Бедняжка! Она сама была ранена...» [5, с. 293]. Ахилл «...промыл раны благородному животному» [5, с. 293] и поделился с собакой куском хлеба. Чуть позже, узнав о гибели всех своих товарищей, герой отправился в путь. «Сантинель часто останавливалась, заглядывала... в глаза и как бы спрашивала: где же конец нашим страданиям?» [5, с. 295]. Под вечер силы покинули Ахилла, он упал в поле и потерял сознание. Очнувшись в теплой избе, герой узнал, что именно Сантинели он обязан своим спасением. «Черный человек» поведал Ахиллу, что объезжая окрестности в поисках французских мародеров, он наткнулся на его бездыханное тело, «...вдруг собака, лежавшая подле тебя, встала на ноги и глухим рычаньем как будто хотела... отогнать» [5, с. 295].

Бригадир Жерар с теплотой и нежностью относится к своей лошади Фиалке. Он с гордостью говорит: «...ни одна из наших

лошадей не могла сравниться с Фиалкой, и я знал, что если не достигну русского сам, то на других надеяться нечего» [2, с. 266].

Этьен Жерар относится к русским и, главным образом, казакам, как к дикарям: «Вокруг черной, извивавшейся по снегу, как змея, колонны со всех сторон мелькали смутные тени, они то появлялись, то исчезали с обоих флангов и в хвосте. Это были казаки, они рыскали вокруг нас, как волки вокруг овечьего стада. А не нападали они только потому, что весь лед России не мог остудить сердца некоторых храбрецов. До самого конца они готовы были в любую минуту встать между этими дикарями и их добычей» [2, с. 261]. И отношение его не меняется, русские остаются для него врагами. Показательна встреча бригадира и майора Сержина, «русского медведя», негодяя, «чернобородого драгуна», который даже умирая, «норовил» укусить героя за ногу, «как бешеный волк».

«В жизни не видал такого негодяя, как этот майор Сержин.... Хуже Сержина, майора киевского драгунского полка, я не видел ни в одних войсках... Это был рослый малый со свирепым, жестоким лицом и щетинистой черной бородой, которая топорщилась поверх его кирасы... Лапы у него медвежьи» [2, с. 267]. Бригадир Жерар видит в Сержине только врага, это — «русский медведь», изъясняющийся при помощи «невнятного ворчанья».

Противоречивы отношения Жерара с Софьей и Алексисом Бараковым. Они храбры, честны и благородны. Но все равно от начала до конца они враги. Итак, отношения с русскими у Жерара как с «чужими» от начала до конца.

Ахилл сначала так же относится к русским и, главным образом, казакам, как к дикарям. Но после встречи и сближения с «сострадательным черным человеком» — помещиком он меняет свое отношение к ним. Человек, на землю которого напал Ахилл и его товарищи, «начальник земских защитников», «человек в черной шинели» «...с участием спросил на французском языке: “Как ты себя чувствуешь, друг мой?”» [5, с. 294]. «Черный человек» спас Ахилла, напоил, накормил, согрел, дал теплую одежду и обувь. Завершая свой рассказ о пребывании в России, Ахилл сообщает русскому путешественнику: «Новый мой благодетель... держал меня в своем доме, одел меня, кормил и поил до тех пор, пока остатки французской армии не вышли из России... Тогда он сам отвез меня в город, и я поступил в число прочих военнопленных» [5, с. 296].

Таким образом, отношения Ахилла с русскими — сначала как с «чужими», а потом — как со «своими». После спасения и одаривания русским помещиком молодой француз меняет свое мнение.

В журнале «Современник» за 1854 г. помещены следующие рассуждения: «В Лондоне продолжают носить воинственные усы и бороды, в подражание своим парижским союзникам; этого мало: воинственность и подражание доходят до того, что некто Лэндор, увлекшись славою Шаррьера, изобретателя всежигającego копья, которое французы продолжают держать в секрете, придумал новый род вооружения, еще более страшный; он советует идти на войну против России вооружившись луком и стрелами. Мы не выдумываем, вот мнение Лэндора: «Лук пригоден и для пехоты и для конницы; английская пехота некогда славилась этим оружием, славилась им и парфянская конница. На ровном поле туча стрел расстроит густые ряды лучшей конницы, а в лесистых местах никакое огнестрельное оружие не будет так смертоносно. Удивительно, как об этом никто не подумал доселе. Лук и стрелы могут быть всегда наготове. Все возрасты, юноши и старцы, могут стрелять из лука. Если стрелы были так убийственны, когда войны были покрыты шлемами и кольчугами, то чего не наделают они над нынешними войсками! Нужда научит; много думать тут нечего; поверьте, воротимся к старому: *multa renas centur, quae jam cecidere*» [1, с. 157].

С одной стороны, они свидетельствуют, что Россия и в середине XIX века продолжала казаться чем-то экзотическим французам и англичанам, а, во-вторых, — все же не очень серьезным противником, которого можно победить с помощью луков и стрел. Возможно, такие представления были распространены. Это объясняет, почему Конан Дойл, который видел в России серьезного противника англичан и французов, заставляет своего бригадира Жерара вспомнить о своем приключении в тылу не менее хитрых, целеустремленных врагов, чем он сам, т. е. с должным уважением отнестись к русским. Ну и, конечно, к тем воинам, которым придется сражаться с ними.

Писатель-англичанин (А. Конан Дойл) передает точку зрения на события 1812 года через призму восприятия француз. Если судить о 1812 годе, то и французы и русские для англичанина — чужие. События Крымской войны приблизили французов к англичанам (они были союзниками против России), то есть

появилось «другие» (французы) по отношению к по-прежнему «чужим» (русским). В результате соотношение идущих на Крымскую войну полков «сейчас» с участвовавшими в ней «тогда» подчеркивает опасность, которой подвергаются воины.

С точки зрения О. Сомова: отображается встреча француза и русских писателем, для которого русские «свои», и поэтому все: и сами французы и их понимание русских, и русские — показаны через призму сознания русского автора. То есть он пишет о мифологизации образа русских французами и постепенном разрушении мифа, но при этом сам, безусловно, занимается мифологизацией. «К углу зрения рассказчика-цирюльника добавляется авторская точка зрения. И, по существу, передается взгляд русского человека на события войны 1812 года» [3, с. 43], — пишет в связи с этим В. Б. Мусий.

В рассказе О. Сомова «Вывеска» преобладает нравоописательное начало, у А. Конан Дойла — авантюрно-приключенческое. Даже отношения с врагами — Софьей и Бараковым — погони, секретные письма, тайные двери в подвале, побеги... — свойственны авантюрному жанру. Этому жанру соответствует и определенная композиция. По определению А. А. Слюсаря «композиция... является элементом формы произведения в собственном смысле этого слова» [4, с. 160]. Опираясь на его положение о том, что «...длительность, последовательность и соотношение представляют собой целую совокупность форм расположения материала. Длительность, являясь временным выражением единства непрерывности и прерывности, реализуется в целостности и мозаичности произведения, в объеме его компонентов. Последовательность раскрывается в линейности и цикличности отображения, однократности и многократности, развитии и инверсии и т. д. Соотношение включает правильность и неправильность, равенство и неравенство, симметричность и асимметричность, ритмичность и аритмичность и т. д.» [4, с. 161], можно обратить внимание на пример симметрии и асимметрии в тексте. Герой дважды оказывается в одном и том же месте, но в первой части как человек, на стороне которого преимущество, а во второй — как пленник. События первой части, как в зеркале, но с обратным знаком повторяются во второй (приближается к деревне, погоня, арест противника, его везут в дом священника и там встреча с прекрасной незнакомкой и благородное сохранение жизни противнику). Но только в первой части — победители французы. А во второй — русские. Есть там и «ложная»

развязка: побег Жерара, так как впереди — самое сложное испытание: поединок с Сержиным.

Как и следует новелле, а этот рассказ, скорее всего, имеет романический характер (герой — исключителен) и с точки зрения жанра близок новелле, он заканчивается неожиданным пуантом (его враги проявляют человечность) и окончательной победой над наиболее жестоким из них. Жерар не выполняет задание. И это подчеркивает сложность, непреодолимость обстоятельств. Но как индивидуальность он выходит победителем. Необходимо обратить внимание на такую особенность композиции, как ее рамочный характер. Это воспоминания человека, который видит солдат, отправляющихся на войну в Россию. Таким образом, сравниваются две эпохи — его молодости и старости. В каждой из них — война. Драматизм ситуации раскрывается наиболее полно из его воспоминаний. Они проецируются на современные ему события. Итак, очевиден угол зрения на происходящее — повествование имеет субъективный характер и все события и люди даны в оценки героя.

Л и т е р а т у р а

1. *Иностранные известия* // Современник. — 1854. — Т. XLVI. — С. 149—170.

2. *Конан Дойл А.* Как бригадир побывал в Минске / А. Конан Дойл // Подвиги бригадира Жерара. Приключения бригадира Жерара. — М. : Правда, 1987. — С. 256—273.

3. *Мусий В. Б.* Образ «своего», «иног», «чужого» в русской прозе первой половины XIX века / В. Б. Мусий. — Одесса : Астропринт, 2011. — 165 с.

4. *Слюсарь А. А.* О некоторых методологических проблемах изучения композиции литературного произведения / А. А. Слюсарь // Методологические проблемы истории и теории литературы. — Вильнюс, 1978. — С. 160—161.

5. *Сомов О.* Вывеска / О. Сомов // Сомов О. Купалов вечер. — К. : Дніпро, 1991. — С. 269—302.

6. *Урнов М. В.* Артур Конан Дойль / М. В. Урнов // Конан Дойль А. Собр. соч. : в 12 т. — М. : ОГИЗ, 1993. — Т. 1. — С. 22—23.